

Андрей Макаревич спит хорошо, но мало

Стоит ли говорить о том, что когда-то мы учились играть на гитаре только лишь для того, чтобы на скамеечке во дворе спеть девочкам что-нибудь из «Машины времени». Она была так близка нам и так недосягаема. Мы завидовали ее славе, не понимая тогда, что слава — это не обязательно счастье. Мы вообще многого тогда не понимали. Андрей Макаревич достиг славы, его знают, пожалуй, все. Когда мы встретились, он выглядел усталым. Быть может, сказывалась жара, работы, конечно, много...

— Андрей, что важнее для творческого человека — создать красивую вещь или удовлетворить собственное тщеславие?

— Я лично не тщеславный. И порой мне это очень мешает. Доля хороших амбиций человеку необходима, если он занимается таким делом. И в самой «Машине времени», кстати, тоже не было тщеславной атмосферы.

— Две школы рока — московская и ленинградская. Андрей Макаревич и Борис Гребенщиков. Столь разные люди, у которых так много общего...

— Начнем с того, что мы оба — Стрельцы и Змеи. Отношения у нас всегда были очень дружеские, на протяжении многих лет.

— Не возникало зависти к тому, что пишет Б. Г., и, в свою очередь, у него к тому, что делаете вы?

— За него не скажу, но во всяком случае он более честолобив, чем я. Это совершенно точно. А зависти у меня никогда не возникало. Мне просто очень нравится почти все, что он делает.

— Как вы думаете, почему у Гребенщикова мало что получилось за границей и почему «Машина времени» не пытается, скажем, записать альбом там?

— В Борин проект было вложено несколько миллионов долларов. Когда находится человек, готовый вложить такие деньги,

ОКОНЧАНИЕ НА 3-й СТР.

РАЗГОВОР О ТОМ, О СЕМ

Андрей Макаревич спит хорошо, но мало

НАЧАЛО НА 1-й СТР.

имеет смысл пытаться. А не получилось потому, что, во-первых, это всегда до конца непредсказуемое дело, а во-вторых, я считаю, не тот был продюсер. Дейв Стюарт, конечно, хороший музыкант, но у него совершенно иная музыкальная философия. Не с ним надо было делать альбом. Очень уж он получился эклектичный.

— А к вашей музыке западные продюсеры проявляли интерес?

— Их вообще очень интересовал русский рок, но они сидели и смотрели, чем закончится опыт с Гребенщиковым. И когда оказалось, что проект не удался, они моментально заосторожились... То есть это был такой пробный камень, который в самом деле сыграл не очень хорошую роль для всех остальных.

— Получается, что русский рок варится в собственном соку и не выходит за пределы страны.

— Ему не с чем выходить. Он во многом вторичен, а во многом — находится на очень низком профессиональном уровне.

— Чем это объясняется?

— Какая страна — такой и рок. Все на свете очень гармонично. «Запорожец» же отличается от «форда».

— Но ведь традиционно считается, что внутренний мир русского человека...

— Да внутренний мир может быть бездонно богат, но для того, чтобы идеи воплотить в конкретные звуки, в конкретную музыкальную форму и стилистику, одного внутреннего мира недостаточно.

— И все-таки есть же у нас высокопрофессиональные группы.

— Давайте честно — нету.

— А «Машина времени»?

— Для этой страны — может быть. Но если сравнивать с профессионализмом, скажем, Стинга...

— Андрей, извините, вы — эстет?

— Нет, пожалуй. Эстет — это что-то более утонченное.

— Вы прошли через увлечение восточной философией?

— Нет. Как ни странно, меня это практически не коснулось. В 70-е годы приходилось общаться с хиппи, буддистами, кришнаитами. Они пытались разговаривать со мной так, как будто я все это читал. Когда я говорил — нет, не читал, они удивлялись — а как же «Три окна»? И так как

я сам до многого «доехал», мне и сейчас все это скучно.

— Жизнь журналиста — сплошной компромисс. А были компромиссы в жизни музыканта?

— Человек, который скажет, что у него их не было вообще, соврет. Тут дело в другом. Есть компромиссы и компромиссы. В фильме «Начи сначала» категорически не проходила песня «Разговор в поезде». Требовали изменить первые две строчки — «Вагонные споры — последнее дело, когда больше нечего пить». Вот про «пить» было нельзя, антиалкогольная кампания начиналась. Я написал — «И каши из них не сварить». Не считаю это принципиальным компромиссом. Песня ведь не про то, как два мужика пьют в поезде. А если бы меня попросили изменить последний куплет — мсл, не «каждый пошел своею дорогой», а все пошли к коммунизму, — вот тут бы я отказался. Человек сам для себя находит грань, и я такую грань не переступал.

— Андрей, до перестройки вы жили, скажем так, бедно? Или концертная деятельность приносила все-таки какие-нибудь деньги?

— Разумеется, приносила. Но на жизнь эти деньги категорически не тратились. Тогда вся «прибыль» складывалась в коробку и шла на покупку аппаратуры, гитар.

— На что же вы существовали?

— А мы очень просто жили. По ресторанам не ходили. Портвейн дешевой был, в столовой институтской вообще задаром можно было поесть — хлеба с горчицей.

— Что вам больше всего мешало заниматься творчеством?

— Быт заедает. Очень много времени уходит на то, чтобы найти какие-то продукты, отвезти их сыну, убрать дом, починить машину, отстоять в очереди, достать колеса...

— Неужели Андрею Макаревичу не могут сделать машину без очереди?

— Конечно, приходится улыбаться, унижаться — тоже не очень приятно.

— А вообще известность — помогает или мешает?

— В извращенных наших условиях — помогает. По идее, никто не должен стоять в очереди. Так что помогает. Вот сейчас, прошел по рынку, подарили килограмм помидоров — приятно.

— Спите хорошо?

— Хорошо. Но мало.

— Не парадоксальна ли ситуация, что в те времена, когда «Машину времени» официально не признавали, она была бешено популярна, а сейчас...

— Вы ошибаетесь. Я много думал над этим. Группа была бешено популярна среди достаточно узкого круга молодых людей. Вот они на всех скамейках ее и заводили. Если бы вы тогда спросили у сорокалетнего, что такое «Машина времени», он бы только пожал плечами. Сейчас ее знают все — от 5 лет до 60. Другое дело, что с ума не сходят. Популярность стала гораздо больше. Истерия прекратилась, но, слава Богу, она меня никогда и не радовала.

— Осталась ли ностальгия по тем «подвальным» концертам?

— Нет. Это было весело, но не так «розово», как сейчас кажется. Удручало постоянное присутствие человека в штатском за спиной. Крайне неприятно.

— Вы ведете замкнутый образ жизни или вам нравится быть на людях?

— У меня очень узкий круг друзей. А общественные места в последнее время сильно меня напрягают.

— Возникает ли желание на какой-нибудь вечеринке взять гитару и что-нибудь спеть?

— Бывает иногда. Если люди вокруг хорошие.

— В одной из ваших песен были такие строки: «Я не могу понять, кто дарит нам столько тепла, чтобы растаял снег». С годами поняли кто?

— Бог, конечно.

— Сильному человеку он тоже нужен?

— Сильному — в первую очередь. Сильный больше дров может наломать без Бога.

— Для чего вам нужен Бог?

— Трудно сказать. Нельзя же так практически. Это ведь не ботинки... Но, пожалуй, для ориентации в пространстве.

— Помогает?

— Конечно.

— А кто еще помогает?

— Друзья. Хорошие книги. Хорошая музыка. Хорошая погода... Хотя это тоже от Бога.

Мы еще поговорили о том, о сем, и каждый пошел своею дорогой. В Москве стояла жара, около метро торговали арбузами...

А. ПРИВЕЦКИЙ. 958